Русская литература невозможна без чуда. Это путь осмысления и постижения чудесного. Иначе и не бывает: у ее истоков богатейшая традиция древнерусской книжности.

Квинтэссенция отечественного чуда — все то же пушкинское стихотворение «Зимнее утро», где оно светом разливается в пространстве. Откровение, схожее с рублевской «Троицей». Явление света.

География и пространство здесь традиционно занимают важное место. Они — путь постижения того самого чуда с главным вектором на Север, где, казалось бы, небо ближе всего и с землей почти что сходится.

Россия — северная, а значит, зимняя страна. Такова реальность. Это не бремя и не проклятие, а, наоборот, система метаморфоз — особое пограничье, как раз и дарующее возможность чуда.

Вспоминается «Ястреб» — альбом Александра Ф. Скляра.

«Ястреб» — световой столп, исходящий с неба на землю, и наоборот. В альбоме тоже о Севере. Скляр призывает «на Анзер». Идти и не сдаваться! Идти!

Анзер — один из Соловецких островов, самое высокое место его названо Голгофой. Место погибели и место подвига. Остров с давних времен притягивал к себе молитвенников и подвижников, которые основали здесь скит и монастырь.

Скляр обозначает путь вперед и вверх на Голгофу, где земля соединяется с небом, где «ангелы сеют небесные зерна». Космологическая вертикаль проходит через сердце, через душу: «в сердце огонь, в душе моей ветер». Человек устремляется вверх, ведет брань в первую очередь с самим собой, «чтобы жить».

На Север! Север — это тоже верх, ближнее к ангелам место. Посмотрите на карту.

Это место, где всегда ветер и солнце. Даже когда его нет на небе — солнце в сердцах. «Солнце с нами, солнце в нас», — поет Скляр в заглавной песне «Анзер». Недаром еще Федор Абрамов говорил, что на Севере люди — солнца.

«Мороз и солнце; день чудесный!» «Они сошлись... лед и пламень». «Рай и ад сошлись...»

Проза петрозаводского прозаика Дмитрия Новикова как раз и есть свод явлений чудесного, в центре которого — житие Варлаама Керетского с падением, долгим скитанием по пограничью жизни-смерти и преображением.

Расхристанный герой романа «Голомяное пламя», ежедневно изнуряющий себя чуть ли не до смерти, чтобы проснуться зимним утром — и вновь по кругу «нестерпимой и обидной» боли, все потому, как «доверился, раскрылся полностью, подставил мягкое брюхо». Вот и бьется до последних сил, растрачивая веру или, наоборот, рыбой жадно ртом ее ловя.

Он «не засыпал, нет, умирал на время, до утра», будто находясь на крючке. Так пока сам не попал на острое жало тройника, пытаясь вытащить из лунки огромного налима. Пока не оказался в ледяном капкане. И последнее «Помоги!», как рыбий вздох перед вечным покоем, обернулось чудом спасения.

Таковы его «хроники пограничных состояний». Там «на мутном небе мгла носилась...» Такова битва пограничья Севера до того, как он явится семгой или «голомяным пламенем». Чудом, преодолевшим ту самую мглу.

Казалось бы, полная безнадега, нет выхода и спасения: «Дальше было совсем сине, мрачно, беспросветно...» И вдруг наступает преображение всего беспросветного: «Что-то чудесное грянуло, произошло! Невероятный, безумный, отчаянно-веселый солнечный луч вырвался из узкой щели между низкими тучами и горизонтом. Он вырвался, и ворвался, и вдруг окрасил все золотом, неприкрытым, непродуманным золотом счастья». Человек в ладье, сети, а в них «светлым золотом билась сиятельная рыба». Так завершается рассказ «В сетях Твоих». Так Север становится «ловцом человеков», своеобразной сетью Господа. Так низ и верх сходятся, образуя свое светопредставление чуда — то самое «голомяное пламя».

Новиков постигает это пограничье грудью нараспашку. Постигнув, обретя мудрость и знание, провозглашает: «Строить!» Это тоже присвоение пространства, что и у прозаика Ильи Кочергина. Через битву и многие страсти, которые усмиряются чудом, обретением прощения, берега, реки. Как у святого Варлаама Керетского, который своим житием соприсутствует и в современности. Чтобы увидеть эти пересечения, необходима особая тонкая настройка, умное зрение.

Святого павшего, но восстановившегося, спасшегося, после трех лет странствия по Белому морю в поисках смерти с телом убитой им супруги. Практически тот же крючок тройника поймал его в капкан... В XX веке чуть ли не вся страна по пути святого пошла. Может, и до сих пор ходит. Прибьет ли к берегу или лодку источат морские черви — кто знает...

Проза Новикова — истории страстей, которые необходимо преодолеть, перебороть, как это произошло и у святого с «бесовской местью». Натиск этих страстей сдерживается до поры позицией «себе-на-уме» и лукавым прищуром «хитрого карела», но выход все равно находят.

«И характер говнистый. И сам прижимистый», — так охарактеризовал его Коля из рассказа «Змей».

Дмитрию Новикову, как герою рассказа «На Суме-реке», «целый мир был мал, мил, недостаточен». Он — что Жолобков из «Жаб мести и совести», чрезвычайно чувствителен «ко многим проявлениям жизни и смерти», которые выстраиваются в хронологию «пограничных состояний». Чувствителен порой до мнительности.

И проза у него пишется сложно, через надрыв и страдания, через многочисленные потери и движение по тонкой грани. Оттого и набело, потому как проживается страстно. В этом деле не может быть дублей, черновиков.

Боль — одна из четырех главных качеств прозы, которые сам писатель формулирует. С ней рядом идет радость, жизнь и правда. Отсюда и частые «хроники пограничных состояний».

В своем «Манифесте новой северной прозы» Новиков сравнивает ее с карельской березой: «Медленно, мучительно прирастает она новыми словами, еще труднее — законченными произведениями. Мороз и снег, нехватка солнца, тяжелый авитаминоз — где брать ей силы, как не в упорстве и труде. В терпении». И при этом в ней «сочится свет», который становится категорией поэтики текста и критерием его качества: «Свет этот есть художественная правда».

Так сложилось, что первая ассоциация при упоминании его имени — финал рассказа «На Суме-реке», где изрядно во хмелю герой — «душа на разрыв, грудь нараспашку» пошел к своей возлюбленной. Руки чесались, по дороге зацепился с компанией, получил кастетом по голове. Очнулся и двинулся дальше. После уже у квартиры «диспут» с порванной рубахой, с милицейскими дубинками и прочими буйными страстями. Под самый финал: «Пустите его. Он мой! Мой! — слышите». Кричала та, к которой шел. Та, из-за которой «раскрылся полностью, подставил мягкое брюхо» и был подсечен острым крючком и надежной леской. Что остается? Биться из последних сил, пока тебя уверенно вываживают...

Рыба, ее ловля — это и описание любви, когда тонкая леска натягивается до своего предела («На Суме-реке»). Любовь и смерть — рядом стоят, это тоже из разряда «хроник пограничных состояний».

Примерно так и пишется рассказ. Бурлящими страстями, кровью, которая «реченькой» пошла, что в весеннее половодье. Так и проявляются «кровоточивые движения» души. Впрочем, он может и анекдотом развернуться, веселой историей, которых много у автора.

Если у Михаила Тарковского звучит музыка гармонии, порядка и чуда — так и хочется ухватить ее кадр, оставить спасительной зарубкой на душе и хранить, что ладанку, — то у Дмитрия Новикова то и дело врывается стихия разлада, надрыва. Та самая мгла, которая у Пушкина носилась на мутном небе. Или бес, отомстивший Варлааму Керетскому, рожу свою норовит высунуть.

«Жабы мести и совести» делают свое дело и гложут душу. На участке, который приобрел и на котором построился, — змей в избытке. Будто притянуло к змеиной горке. В таком соседстве и научился жить, правда, часто приходится лопатой показывать, кто тут хозяин. Если у героя рассказа «Стройка бани» Михаила Тарковского струйкой в землю ушли все обиды и раздражения, что телесный пот в бане, а душа чистая и светлая вверх подалась, то у Новикова ползают змеями. Ужалят, если наступишь. Потому что-то рубящее необходимо под рукой иметь.

Он также пытается прочувствовать строй жизни, но всякий раз подозревает о ее неустроенности. Не верь, не надейся, не проси. Преда-

В своем «Манифесте новой северной прозы» Новиков сравнивает ее с карельской березой: «Медленно, мучительно прирастает она новыми словами, еще труднее – законченными произведениями. Мороз и снег, нехватка солнца, тяжелый авитаминоз – где брать ей силы, как не в упорстве и труде. В терпении». И при этом в ней «сочится свет», который становится категорией поэтики текста и критерием его качества: «Свет этот есть художественная правда».

тельство ползет по пятам, силится ужалить. Поэтому всегда сам по себе. Знание о возможности предательства омрачает все. Отсюда и счастье провоцирует не восторг, а подозрение: где-то притихли и спрятались те самые жабы. И гады, в избытке ползающие по участку. И морские черви, которые могут в труху источить днище ветхого суденышка.

Сам — распахнутый, но в то же время змей во внутренней норе притаился. Да и что его скрывать? Кто без змея? Тем более на Севере — месте пограничья. Где, с одной стороны, эти самые гады, жабы и налим-трупоед, а с другой — семга...

Север притягивает, но и бежать хочется. Да и «красота такая, что страшно», со «страшной страстью» она, похожей на «изменчивый женский норов», о котором многое знает святой Варлаам. Здесь по лезвию идешь, вычерчивая «географию души человеческой».

Здесь море — что белые ночи. Оно тоже белое и тоже «граница, грань между жизнью и смертью, добром и злом». И вода в нем — что соленая кровь. Тут начинается «потусторонняя жизнь» рек, которые растворяются в нем. В этой белизне отлично различаются все оттенки. Ничего не скроешь. Да и как можно что-то утаить и спрятать в краю «между светом и тьмой»? В нем «ты прозрачен, и прозрачны другие перед тобой».

Все это притягивает совершить обряд человеческой инициации. По Новикову, Белое море раскидывает «свои ласковые сети, в которых запутываешься навсегда, потому что зависимость от этих мест делает тебя сильным и свободным».

Белые ночи — Белое море: «Нет ничего в мире красивее, чем берег Белого моря», а с другой стороны, «нет в мире ничего страшнее, чем берег Белого моря». Все потому, что «нет в мире ничего пограничнее, чем берег Белого моря. Здесь все рядом, близко, сцеплено неразрывно друг

с другом — белое и черное, пьянство и честность, неистовость и покой. Здесь главная русская свобода, обещанием свободы попранная. Здесь смертельная красота. Здесь радость отчаяния. Здесь надежда. Здесь вера. Здесь любовь».

У Новикова «Север правдив и жестон», становится своеобразным индикатором внутреннего состояния человека: если «вдруг ты болеешь душой — любая скрюченная сосна на скале перед тобой изогнется петлей и напугает древним проклятием».

Тут и белые ночи — что «ночи белых ножей» с таящейся «жестокой силой». Будто на разделочную доску попадаешь, находясь «наедине с огромным правдивым зеркалом белесого неба». Затем ощущаешь, что как с рыбы чешую соскребают, а это «чешуя накопившейся за долгие годы грязи». Так чистым становишься и ясным. Пусть не навсегда, а на какое-то время, ведь чешуя после снова будет нарастать.

Эта чешуя — что жабы из рассказа «Жабы мести и совести»: противные, пупырчатые, похожие на «комья неясной морской грязи» и неведомо откуда произошедшие. Может, на самом деле — метаморфоза той самой отпавшей чешуи, которая разбухает в морской воде, начинает шевелиться, а после и к тебе подползет, чтобы вновь вернуться и чешуей обернуться. Что тот самый бес, отомстивший Варлааму Керетскому.

В рассказе «Змей (Голос внутренних озер)» раскрывается тайна происхождения этих «жаб» или «гибких гадов». Они — производное городской жизни, там обитают повсеместно и вольготно.

Подползают и пытаются залезть в душу постепенно, чтобы устроить хаос, подтолкнуть к трагедии. И вот когда уже кажется, что плохое неминуемо из воды, является «семга именем Его», изгоняющая жаб. Эта рыба предстает в луче света посреди повсеместной пасмурности, она — проявление чудесного и высший дар Севера.

«Для меня счастьем навсегдашним стала первая семга увиденная, когда она в луч солнечный из темных вод прыгнула и застыла на мгновение в радуге от мелких брызг, вместе с нею в небо взлетевших», — пишет Новиков в своем романе. Для него это явление — своеобразная эманация божественного: «Мне с тех пор как говорил кто, что Бога нет, спорить незачем было. Я видел. Я знал». Север щедр на подобные откровения. Но опять же все зависит от внутреннего человеческого состояния. Здесь оно любовное.

Это история любви к рыбе с первого взгляда — к «высшему духу красоты». Любовь в своем высшем значении, когда «я» становится «ты», а «ты» — «я»: «Иногда мне даже казалось, что я — это она. Мне мечталось стать ею».

Именно семга научила любви: «Любить почти до смерти — другой не бывает любви. <...> Любить до изнеможения, до судорог, до отчаянья. Устать. Разочароваться. Почти умереть. Сменить красный цвет на темно-серый. Бессильным вальчаком скатиться в море. Бессильным, еле живым. Еле живым надеждой, что, возможно, все опять когда-нибудь повторится. Выжить этим. И жить».

Любопытно, что в новиковском романе эпитеты «городское» и «южное» соседствуют в одном синонимическом ряду: «...в прошлом, городском, южном, похотливом и плясательном своем существовании ты был куриное яйцо — гладкое, самоуверенное, незамысловатое». На Севере «твоя скорлупа начинает покрываться легкой сеточной трещин, которые с небольшого отдаления можно принять за морщины, — ты мудреешь на глазах, на ногах, на ноздрях — целиком».

Прошлое — до приобщения к Северу, до прохождения обряда инициации. Своеобразная изоляция, в которой мельчаешь. На Севере же становишься больше себя прежнего, избавляешься от терзавших тебя страстей южного городского темперамента и обретаешь особую мудрость, степенность, рассудительность, которой наполняешься, будто соленым ветром.

На Севере начинается трескаться та самая внешняя скорлупа, которой человек огражден от настоящего видения мира. Здесь все органы чувств воспринимают окружающее совсем иначе, чем раньше. Теперь они — освобожденные от той самой скорлупы, благодаря чему «ты вдруг поймешь всю цену слов, и запахов, и звуков». Так являет себя умное зрение. Тот самый прищур, образующийся в полоске между небом и землей.

«Ты поскобли себя изнутри тертухой, не жалей, чтобы до крови, дырки-то отвори да хорошенько проветри» — а это уже в романе Владимира Личутина «В ожидании Бога» художник Рахманин другу-литератору Янину советует.

Личутин тоже северный писатель, из Архангельской области. У него самого будто подобная терка в руках, которой он оттирает своих персонажей. Очищает там, где «заросло, все покрылось мхом, прокисло, застоялось», чтобы могли проделать ту самую траекторию восстановления, что и игрушечный ванька-встанька. Северный разговор, северные темы — они такие... не о легких предметах, а о пограничье, которое с человека всю лишнюю чешую счищает, что ветхие ризы.

По тому же Личутину, дьявол «всегда в душе». Человек пытается изгнать его, «сражаясь на стороне Бога». В этой битве и заключается ожидание Бога. Оно — как и война, которая «забирает человека всего, вытряхивает из груди ветхого, самовлюбленного и выстраивает совершенно нового, способного гореть и сгорать за идеалы, которые здесь, в миру, кажутся нам смешными».

Так же и у Новикова: «...бесы все — внутри. Нет ничего снаружи, все — внутри». Или вот в «Голомяном пламени»: «...все черное, страшное и гадкое — в тебе самом». На Севере внутреннее выворачивается наружу — таков эффект внешней чистоты белых ночей, Белого моря. Все это производит та самая «жестокая сила», похожая на «украшенное рыбьей кровью лезвие».

Поэтому и «сказки Белого моря начинаются страшно». Будто так вовне исходит внутренняя человеческая чернота. Банным потом. Север — что баня, очищающая, преображающая, испытывающая на крепость. Почему бы и нет... Это именно та чистота, которую почувствовал Гриша в «Голомяном пламени». Его «Белое море за одну ночь вылечило, вымучило, очередной раз спасло».

Еще одна важная перекличка с Владимиром Личутиным, а также с Федором Абрамовым — тема раскола. На Севере она остро чувствуется. Потому как Божий промысел, а с другой стороны — бесовские ухищрения, между ними все превращается в очень тонкую полоску, что лезвие ножа, по которому идет человек. Раскол разрушает весь строй этого пограничья.

Тема раскола общая для Русского Севера — отражение фундаментальных основ отечественной цивилизации, которые и сконцентрировались здесь. Раскол, усобица, вражда всегда воспринимались в русской традиции за безусловное зло. Этому отечественная культура всегда противопоставляла дух общности, единения. На Севере это принципиально важные категории, здесь без этой общности попросту не выжить.

Новиков чувствует дыхание «холодом древнего раскола». Так «непримиримая память честной веры не простила дочери своей принятия искуса». Эта память для него важна. Он пишет об «обмане революции», которая, по его мнению, и произвела раскол.

Новиков чувствует дыхание «холодом древнего раскола». Так «непримиримая память честной веры не простила дочери своей принятия искуса». Эта память для него важна. Он пишет об «обмане революции», которая, по его мнению, и произвела раскол.

Надо ли спорить и рассуждать по этой теме? Конечно. Генеалогию русского раскола необходимо осмыслять. На Севере это всегда воспринимается как что-то пришлое, чужое. Север — дух свободы и живет во многом наособицу. Все «дурное» приходит сюда извне. Все местное, коренное — практически райское состояние. Здесь строится «дом», в котором все устроено разумно и по уму. Построение дома — традиция, знания, умения и опыт, передающиеся из поколения в поколение. Все внешнее, пришлое, устраивает хаос, смятение в этом доме, стремится к его разрушению.

Есть и другой пример столкновения своего и чужого. Вот, к примеру, прибрежные жители в свое время крайне негативно восприняли приезд на Соловки Савватия и Германа. Местные считали себя владельцами побережья и островов, поэтому воспротивились появлению там чужаков. В Житиях святых есть эпизод, когда женщину, которая вместе с мужем поселилась рядом с иноками, стали бить прутьями двое «светлых юношей», говоря им, что это место предназначено для жизни преподобных. Негативную реакцию людей позже испытал и Зосима Соловецкий. Местные привыкли ловить на островах рыбу, полагали здесь все за свое, поэтому и строили монахам всяческие козни, грозились разорить обитель.

Это ведь тоже столкновение коренного, привычного и чужого, пришлого. И расценивать все это можно по-разному. Так ведь и сама обитель была не только местом святости и молитв, но и заточения. Все та же узкая грань пограничья: жизни и смерти, света и тьмы...

Особые претензии у Дмитрия Новикова к XX веку, к русской революции и последовавшему после нее разрушению уклада, истреблению человеческой породы, как и семужьего стада, когда «самых крепких извели под корень».

Впрочем, и по поводу извода есть разные версии. Вот, к примеру, автор-рассказчик в рассказе Василия Шукшина «Как мужик переплавлял через реку волка, козу и капусту» любуется Лобастым и рассуждает: «...я вдруг ужасаюсь его нечеловеческому терпению, выносливости. И понимаю, что это — не им одним нажито, такими были его отец, дед...

Это — вековое». Тут речь о единой породе, исполинском древе, уходящем в глубь веков, а вовсе не об убывании генетического кода, о зачистке от лучших, на место которых пришел «красный человек»...

Вот и Новиков, хоть и пишет об истреблении, но пытается найти отсветы, отражения в современности той самой ушедшей породы — «поморской стали» и соли земли. Будто пробуя на вкус. Не обессолилась ли она вконец, ведь совершенно особая человеческая порода на Севере, потому и спрос особый: «Мы, поморы, не рабы. Мы — рыбы. Шевельнул хвостом да в море ушел».

Через эти поиски уже манифест не северной прозы, а северного человека пишется: «Сильно давит когда судьба народ русский, он и гнется порой, что твоя сосна под ветром северным. Да не ломается. Крепка поморская сталь. Настали плохие времена, одна тогда задача — стоять да терпеть. Гнуться, да не ломаться. Все равно пройдет морок и солнце выглянет. Все равно утро будет».

Морок и солнце. Утро. Опять все то же — пушкинская квинтэссенция отечественного чуда. Иначе и невозможно, «утро будет» и дарование чуда. Пока бы с мороком этим разобраться, затянулся уж он очень. До такой степени, что тот же раскол практически стал уже частью отечественной физиологии: «У нас Гражданская война до сих пор не кончилась. У нас раскол в крови!» При этом писатель отмечает, что отличие поморов состоит в том, что у них «вся злая энергия и воля уходили не на борьбу с себе подобными, а на борьбу с морем, с севером неуютным». Туда, в море, и уходила энергия розни.

При разговоре о трагедии расколов XX века вспоминается стихотворение Павла Васильева, написанное им после поездки на Беломорканал, «Песня о том, что сталось с тремя сыновьями Евстигнея Ильича на Беломорстрое». В финале есть такие строки:

Весть услышав о новом пути,
Хлещет посвистом Белое море
И не хочет сквозь шлюзы идти.

Своенравны здесь люди, рыбы, море, они сами путь прокладывают. Не только свой, но и отечественной цивилизации. Шлюзы не для них, своим умом живут, своим пониманием пути. Но загнать хотят, как и рыбье стадо в сети, поэтому и избивают как семужье стадо, так и «поморскую сталь», мечтающую о мужицком рае. Наверное, так проще с расчетом на быстрый, но короткий результат. Север так не укротить. Только вот после того, как это короткое проходит, развертывается рубец раскола глубокий и длинный.

Противостояние раскольной тенденции — строительство. Как тут не вспомнить философию домостроительства, которая была развернута в произведениях Федора Абрамова. Дом Новикова — то, что сшивает поколения, обустраивает мир и устраивает в нем лад. Не случайно он пишет, что с постройкой дома «начинал понимать, что затеял одно из самых важных дел моей жизни, что я построю хороший крепкий дом, который переживет меня и достанется детям, а потом внукам». («Строить!») И что особенно важно: «...прерву этим традицию жизни в общем государстве, когда каждый должен был начинать с нуля и ничего не добиваться в итоге».

Главное в доме — дух, который никуда не девается. Это знание и понимание человека, которое он накапливает, а оставленный пребывает в его ожидании. Без этого ожидания, без этой надежды становится стылым, уходящим трухой в землю.

Через строительство сама земля начинает входить в круг родства, и «я начинал любить свою землю». Об этой любви Дмитрий Новиков пишет как о старом, забытом чувстве, причем всей страной. Так через воспоминание восстанавливался род, символом которого стала «моя земля. Маленький кусок, посреди мудрого древнего, оголтелого прошлого, шатного настоящего и непонятного будущего». Через это и произошел переход у автора от страсти, которой пульсировали ранние рассказы, к постижению настоящего «Я люблю...». Так в свое время Варлаам Керетский обрел свой берег и спасение.

Отсюда и главная идея отечественной современности — императив, вынесенный в заглавие рассказа: «Строить!» Расчистить площадку, изгнать гадов, преодолеть морок и строить. Восстанавливать генетическую память и чувство сопричастности. Осваивать пространство, делать его своим, своим домом, противостоять запустению и заброшенности: «Мне почему-то кажется, что сейчас очень важно — строить. Строить дома. Для себя». Так будет выстраиваться линия противостояния череде разрух. Поэтому и важен такой тип людей, как «делатели»: «Они работают, думают, ищут, и все в каком-то странном направлении. В хорошем». «Делателю» и весь мир открывается, и раскрывает свои тайны. Именно таковым и является северный человек.

Дом — это еще и особая музыка, через него мир человеческого обжитого пространства перестает быть немым. Построенный дом встраивается в единый музыкальный ряд голосов, ведь «голосами деревянных домов говорят внутренние озера. Голосами построенных на их берегах церквей. Голосами смеявшихся на их берегах детей...» Где-то тут и возникает шукшинская ремарка «не им одним нажито» с живой линией рода, соединяющей время и отражающей в настоящем.

Во время посещения Архангельска Дмитрия Новикова зацепило стихотворение отличного и глубокого поэта из Каргополя Александра Логанова «Экспансия Белого моря» — тот самый вектор, который манифестирует и сам писатель.

Экспансия — притяжение. Возможность видения того самого «голомяного пламени» — светового свечения моря. Не случайно этим путем на Север шла отечественная святость, выстраивая луч «Северной Фиваиды». Не случайно через Север страна обретала себя и становилась больше, масштабнее. Север — субстанциональный проект ее будущего.

В «Экспансии» Логинова — о «светлой силе», которая по «лучу золотому» грядет «рассветной песней». Всматривайтесь лучше в Белое море. Где-то там может семга в луче света явиться. Преображающая сила там. Рассвет русской цивилизации:

Уже по дорогам и весям
Движется, гулу небесному вторя,
Вольноголосо рассветная песня –
Это экспансия Белого моря!

Вот и дождались вы светлую силу.
Лик свой просуньте в окно зоревое:
Дышит, гуляет, качает Россию
Белое-
белое
Белое море...

Экспансия чуда у Новикова состоит в том числе и в том явлении чудесного, когда прошлое начнет в полной мере отражаться в настоящем, когда время через систему отражений соберется в точку и трансформируется в луч света, преобразующий одномерную реальность. Когда возникнет непрерывная коммуникация времен и поколений, когда возникнут не тени прошлого, а лица, не расколы, а непрерывные судьбы — род.

Все это связано с особым видением и просветлением, когда был сам прозрачен и весь мир вокруг тебя становился прозрачным. Причем не картинкой стоп-кадра, а во всем своем развитии и истории.

«И помутневшим, увлажнившимся глазом вдруг словно увидел — от развалин домов пошли к морю солнечными бликами, травяными тенями — матерые мужики в окладистых бородах, молодки в расшитых жемчугом сарафанах и повойниках, старухи в черных платках, подростки в перепляс. Они скользили к берегу и уходили в морскую воду. Веселыми покатниками плескались дети. Быстрой тиндой ныряли подростки. Серебрянками, залёдками и закройками вились молодые поморки. Листопадками степенно уходили в глубь старухи. Огромными рыбинами, заломом, рассекали волну северные мужики...» — так завершается у Новикова роман. За этим видением — «золотая тучка», «светлый дождь», «яркая радуга». Пир света — «голомяное пламя». Ее явление во всей полноте.

Дмитрия Новикова все время силятся спихнуть на региональную обочину. Не заговор, конечно, нет. Скорее, инерция стереотипов, которая развертывается прямо как в реплике Конева из рассказа «В сетях Твоих»: «Знаешь, поморы твои никому не интересны. Никому на фиг не нужны. Ну были, жили, плавали, и что?» Таковы же стереотипы и по отношению к Северу, который представляется территорией неустроя в противоположность южному комфорту.

Но это именно общероссийский разговор. Общий для всех регионов большой северной страны. Разговор о том, что Север — ее преимущество, та самая кладовая солнца, своеобразный реактор отечественной цивилизации, вырабатывающий неугасимую энергию нации.

У писателя из Владивостока Василия Авченко в его книге «Кристалл в прозрачной оправе» есть рассуждения о рыбе, мудрость которой состоит в том, что она тянется к Северу, поэтому «когда люди станут умнее, они потянутся на север». Здесь — северная страна, где «холоднее всех», а морозы «часть нас самих». Конечно, не только морозы, но и свет. Чудо соединения несоединимого, которое притягивает и цепляет человека своим пламенем.